

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ и АНТРОПОЛОГИИ
им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

ПОЛЕ КАК ЖИЗНЬ

К 60-ЛЕТИЮ
СЕВЕРНОЙ ЭКСПЕДИЦИИ
ИЭА РАН

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2017

УДК 338.45
ББК 65.30
П49

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Программы фундаментальных исследований Президиума РАН
*«Поисковые фундаментальные научные исследования
в интересах развития Арктической зоны Российской Федерации»*

проект *«Коренные народы и промышленное освоение Арктики:
преодоление рисков и стратегии развития»*
(рук. акад. В. А. Тишков)

Рецензенты:
доктор исторических наук Д. А. Функ
кандидат исторических наук Н. П. Москаленко

П49 Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / ответ-
ственный редактор и составитель Е. А. Пивнева; Институт этнологии
и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. — М.; СПб.: Нестор-
История, 2017. — 304 с.

ISBN 978-5-4469-1296-4

Книга посвящена обсуждению актуальных и слабо изученных вопросов мето-
дологии и методики, а также практики полевых исследований на Севере России.
Освещается история Северной экспедиции ИЭА РАН, жизнь и деятельность извест-
ных североведов. Авторы статей делятся с читателем индивидуальным опытом
своих экспедиций, отмечают изменившийся контекст полевой этнографической
работы и ищут новые подходы к познаваемым объектам.

Для этнографов, антропологов, историков, менеджеров промышленных компан-
ний, активистов общественных организаций коренных малочисленных народов
Севера, Сибири и Дальнего Востока.

УДК 338.45
ББК 65.30

ISBN 978-5-4469-1296-4

9 785446 191296 4

© Институт этнологии и антропологии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Издательство «Нестор-История», 2017

ЮРИЙ БОРИСОВИЧ СИМЧЕНКО: В ПОЛЕ И ВНЕ ПОЛЯ

В. В. Карлов

Эта статья не анализ научного наследия и творчества одного из самых ярких отечественных этнологов-сибиреведов и многолетнего участника Северной экспедиции ИЭА РАН, в составе которой он сумел объехать и исследовать народы практически всего необъятного пространства российской Субарктики и многих таежных областей Сибири. Время для такого по-настоящему полного анализа, вероятно, еще не пришло, а что касается вклада в отечественную науку трудов Юрия Борисовича, то как они, так и его огромные научно-организаторские заслуги (альманах «Российский этнограф», начало подготовки серии «Народы и культуры» и многое другое) давно получили заслуженную высочайшую оценку коллег (См.: Не любопытства ради... 2011). Здесь же больше мои личные воспоминания об одном из близких друзей и о его роли в становлении как специалиста-этнолога не только меня, но и многих выпускников кафедры этнографии (этнологии) МГУ им. М. В. Ломоносова, выбравших для специализации этнографию Сибири.

Моя учеба на кафедре проходила в 1960-е гг. Специализацию по народам сибирского Севера я избрал под влиянием моего учителя Льва Павловича Лашука, который владел замечательным для преподавателя искусством увлечь слушателей масштабностью и широчайшей панорамой этнографической картины региона и одновременно дать почувствовать множество культурно-бытовых деталей и особенностей мировосприятия в их локальной специфике, побуждая будущих этнографов стремиться к постижению сути и места в культуре этих феноменов. (Вспоминаю в этой связи обращенные ко мне иронические стихи профессора, относящиеся к тому периоду моей научной судьбы, когда я волею обстоятельств в 1970-е гг. несколько лет занимался историей русских городов: «То ли дело мать-Сибирь! // Чернь, голец, распадок, // Многотемья глыбь и ширь, // Океан загадок! // Там считают по родам // Имена предтечей... // Эх, поддать бы городам //

В задницу картечи!» К слову, ироническая (и не только) поэзия родни-ла Л. П. Лашука и Ю. Б. Симченко, стихотворные экспромты которого были широко известны и в Институте этнографии и за его пределами.)

С этнографическим сибиреведением на кафедре подготовка была изначально поставлена неплохо, т. к. один из ее отцов-основателей Сергей Александрович Токарев, хотя и был уникальным энциклопедистом, но как этнограф-полевик больше всего работал именно в южной Сибири. Его полевые материалы легли в основание блистательной монографии «Докапиталистические пережитки в Ойротии», в которой он, вопреки заглавию, практически не оставил камня на камне от эволюционистской «теории пережитков», утверждая, что нельзя считать пережитками то, что устойчиво воспроизводится в жизни. А его очерк этнографии народов Саяно-Алтая из учебника «Этнография народов СССР» до сих пор остается одной из лучших характеристик этой историко-этнографической области (Токарев 1936; 1958). Прекрасно знал Токарев и якутский материал (якутам и их общественному строю была посвящена его докторская диссертация). Л. П. Лашук также имел опыт полевых исследований на Оби и на Ямале, который он всегда использовал в учебной работе. Однако в те годы уже ни Токарев, ни Лашук в поле не работали (первый по возрасту, второй по состоянию здоровья). А подготовка дипломных работ на полевом материале фактически была на кафедре обязательной практикой. Вот так передо мной, мечтавшим о поездке в Сибирь, встала проблема определиться с полем. В этих обстоятельствах меня и моих сокурсников как раз и выручила Северная экспедиция ИЭ АН СССР. Первый выезд мой и моего сокурсника и друга Сережи Савоскула состоялся в 1965 г. в составе экспедиции в ХМАО под руководством Зои Петровны Соколовой. Мне тогда удалось собрать материал о трансформации религиозных верований обских угров, за помощь и советы при сборе которого и за полученный опыт работы в поле я до сих пор Зое Петровне глубоко благодарен. Но и я, и Сергей хотели заниматься этнографией Восточной Сибири. И следующий наш выезд в 1966 г. формально состоялся тоже в составе Северной экспедиции ИЭ: мы вдвоем были зарегистрированы как Эвенкийский отряд, прикомандированный к экспедиции И. С. Гурвича на северо-восток Сибири, хотя мы работали полностью самостоятельно. Тогда такое формальное прикомандирование студентов к экспедициям коллег из ИЭ практиковалось кафедрой, с одобрения и благословения заведующего (С. А. Токарева).

Преподавали на кафедре и другие крупнейшие специалисты по Сибири, например, в 1940–1950-х гг. читал лекции Борис Осипович

Долгих. У меня хранится перешедший мне «по наследству» оттиск «Происхождения нганасанов», на котором его рукой написано «Многоуважаемому товарищу Лашуку — автор». Я до сих пор помню блестяще прочитанный студентам доклад Севьяна Израилевича Вайнштейна о тувинском шаманстве. При Токареве такое привлечение специалистов академического института к лекционной и внелекционной работе на кафедре было в порядке вещей.

С конца 1960-х гг. настало время сотрудничать с кафедрой и Ю. Б. Симченко. Так, когда он по каким-то своим делам зашел на кафедру, мы с ним и познакомились. Он только издал свою книжку про тамги народов Сибири XVII в., которую мы с увлечением изучали. А тут пришел сам автор! Причем впечатление от первого с ним знакомства осталось в моей памяти таким: я, начинающий студент-этнограф, и он, молодой, но уже известный исследователь, стали разговаривать «с места в карьер» будто два близких приятеля, расставшиеся друг с другом только вчера. Это потом уже, поближе познакомившись с Юрой и практически сразу подружившись, я много раз бывал свидетелем его поистине уникальных коммуникативных способностей. Причем совершенно независимо от статуса и возраста собеседника, от министра и академика до бомжа, он с легкостью находил нужные интонации, темы и предмет разговора. Для полевого исследователя-этнографа это поистине бесценное качество.

А вне поля его, по сути дела, и представить было невозможно, полем и впечатлениями от поля и общения с информаторами он продолжал жить, даже находясь в Москве. В годы моего обучения в аспирантуре, когда я уже ездил в сибирские экспедиции кафедры самостоятельно и возил группы студентов, постоянное общение с Юрой Симченко, его рассказы о деталях и нюансах полевой работы стали для меня настоящей школой. Я множество раз, в ходе сибирских странствий, убеждался в необыкновенной точности и тонкости его

Ю. Б. Симченко в поле

наблюдений, в профессиональной обоснованности его стремления знать и учитывать мельчайшие детали быта, обычаев, психологии информаторов, без чего полевой материал собирать, быть может, и можно, но полноценную картину в попытках постижения «этнографической истины» выстроить едва ли достижимо. В этом отношении достаточно точным представляется известное высказывание К. В. Чистова о том, что этнография состоит из деталей. Детальное знание сибирского материала и специфики быта, ну и, конечно же, особый талант работы с информаторами позволили Симченко объяснить многие, казалось бы, давно известные, но не находившие объяснения этнографические факты, будь то, например, запрет на перешагивание женщинами каких-либо вещей у самодийцев или то обстоятельство, по которому, как правило, у чукчей жены бывали старше мужей (Симченко 1990; Симченко, Афанасьева 1986).

Ю. Б. Симченко в поле

В отношении к полю и полевой работе этнографа я, таким образом, без всяких сомнений, могу назвать Ю. Б. Симченко одним из главных своих учителей и наставников и считаю, что мне очень повезло в том, что судьба свела меня в годы профессионального становления с этим удивительным человеком.

Особо следует остановиться на характере полевой работы Симченко в плане его взаимоотношения с респондентами, тем более что

в наше время вопросы работы в поле и этической стороны репрезентации ее результатов исследователем стали предметом дискуссий. Вот что писал по этому поводу сам Юрий Борисович: «Работа этнографа напоминает работу следователя, с той разницей, что этнограф всегда работает с друзьями, обладающими законной свободой посвящать или нет чужих в наследие предков. Постигать и описывать любые особенности национальной культуры позволительно только с полного согласия тех, кому она принадлежит» (Лебедев, Симченко 1983). И Юра всегда — это чувствовалось и по его устным рассказам о поле, и по его публикациям, как научным, так и художественным, — относился ко всем своим информаторам с большой теплотой, как к близким друзьям (он вообще был очень добрым по натуре человеком). И все они относились к нему с абсолютным доверием, как к близкому и родному человеку, поэтому представить себе ситуацию, в которой кто-либо из них не высказал бы ему полного согласия на обнародование материала, мне лично очень трудно.

Были, конечно, у этнографа Симченко и свои профессиональные хитрости или особые приемы в работе с разными информаторами. Его жена Г. М. Афанасьева как-то уже после смерти Юры вспоминала, например, что т. к. северяне с некоторой настороженностью относятся к визиту незнакомого человека, тем более если он сразу начинает что-то выспрашивать, то, зная это, Юра в первый визит к информатору ни о чем никогда не спрашивал и вообще больше молчал, просто сидел и курил, давая хозяину к себе привыкнуть. И только со второго раза начинал понемногу заводить разговор. Этот рассказ, можно сказать, открыл мне секрет того, почему когда я на Севере, будучи начинающим полевиком, тяжело, в силу неопытности и некоторой скованности моей, вступал в беседу «через пень-колоду», то, как ни удивительно, у меня практически никогда не было неудачных и пустых информаций.

Что касается художественных повестей и рассказов Симченко о Севере и его людях, я считаю, что именно то, что Юра никогда не переставал жить полем, даже находясь вне поля: полевые впечатления его буквально переполняли — это и стало главной побудительной причиной его художественного творчества. Просто ему настолько хотелось рассказать широкому кругу людей о Севере и его удивительных обитателях, которых он очень любил и ценил, что строго научной формы изложения материала ему просто явно не хватало, она в чем-то была для него тесна, несмотря на то что он абсолютно профессионально владел ее навыками, приемами и методами. Просто его натура была шире

этого, а художественная форма, нельзя этого забывать, тоже есть форма постижения истины, и во многом не менее эффективная. И Симченко в равной мере виртуозно владел обеими этими формами.

То, что поле его не оставляло и в Москве, отражалось в какой-то степени даже в его внешнем облике и манере одеваться, далекой от принятых в академической среде «дресс-кодов»: чаще всего это были джинсы и свитера свободно-вольного покроя и облика, а по городу он практически всегда, даже зимой в морозы, разгуливал в куртке или пальто нараспашку. Вспоминаю, как, когда он приходил к нам на кафедру, такого сурового с виду и всегда застегнутого на все пуговицы доцента Геннадия Герасимовича Громова (грозу студентов, которого все и всегда пуще всего боялись, хотя такой вид и суровость на самом деле были напускными, «в воспитательных целях») вид Симченко всегда откровенно коробил, чего он и не скрывал. И вот однажды я пришел на кафедру, где, встретив и поприветствовав меня, Громов сказал: «Встретил я вчера в метро этого вашего Тараса Бульбу», — и он неожиданно расплылся в счастливой улыбке. Я сразу понял, кто этот «наш Тарас Бульба», а то, что даже к Громову Юре удалось подобрать свой ключик, для меня большой неожиданностью не стало, о его коммуникативных способностях я хорошо знал.

Необходимо отметить и то, что сотрудничество Ю. Б. Симченко с кафедрой далеко не ограничивалось моим воспитанием как полевого этнографа. Юру время от времени просили прочитать некоторые спецкурсы, что он всегда с удовольствием для себя и еще больше для слушателей делал. Но еще более весомым было то, что немало наших студентов получили возможность поработать с ним в экспедициях в таких районах Сибири, куда кафедральных выездов не было, особенно на северо-востоке, на Чукотке, на Сахалине и др. При этом я не помню случаев, когда Юра отказывал бы нам в просьбах взять с собой наших студентов, он всегда находил необходимые организационные и финансовые варианты, чтобы их повезти. Излишне говорить, что все участвовавшие в экспедициях Симченко возвращались с великолепным полевым материалом, не говоря уже о полном восторге от общения с руководителем экспедиции и от полученного опыта работы. Все дипломные этих ребят были защищены на «отлично», а они потом с гордостью говорили: «Мы из команды Юрия Борисовича».

Более того — сейчас можно открыть еще один секрет кафедральной работы в области сибиреведения и не только. Я помню несколько случаев в 1980–1990-х гг., когда некоторым «неуправляемым» студентам,

с которыми порой научным руководителям справиться по каким-то причинам никак не удавалось, сознательно советовали обратиться к Симченко. Такие люди и эпизоды были и в моей работе преподавателя. И я не могу назвать ни одного случая, когда бы Симченко с такой задачей не справился, удивительным образом у него все когда-то «отвязанные» личности становились дисциплинированными и работающими. Некоторые из них (фамилий называть не стану) сейчас сами достаточно известные и авторитетные специалисты.

Таким образом, завершая этот короткий рассказ о Юрии Борисовиче, можно сказать, что и Северная экспедиция вообще, и лично один из ее основных участников Ю. Б. Симченко, бесспорно, внесли свой весомый вклад не только в отечественную науку в целом, но и в конкретную подготовку многих профессиональных этнологов-сибиреведов на кафедре этнологии.

Литература

«Не любопытства ради, а познания для...». К 75-летию Юрия Борисовича Симченко. Сб. ст. — М.: Старый сад, 2011.

Лебедев В. В., Симченко Ю. Б. Ачайваямская весна. — М: Мысль, 1983.

Симченко Ю. Б. Понятие «нгадюма» у нганасан // Традиционная обрядность в мировоззрении малых народов Севера. — М., 1990. — С. 6–32.

Симченко Ю. Б., Афанасьева Г. М. Опыт генеалогических описаний (на примере чукчей) // Советская этнография. — 1986. — № 3. — С. 106–115.

Токарев С. А. Этнография народов СССР. Исторические основы быта и культуры. — М., 1958.

Токарев С. А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. — М.; Л., 1936.